

Чжэн Шаньцы упёрся руками в постель по обе стороны от Юй Ланьи. Когда он склонился ниже, их дыхание смешалось, и лицо молодого господина невольно вспыхнуло от чужого жара.

В комнате царил непроглядный мрак, лишь бледный лунный свет пробивался сквозь окно, рисуя призрачные контуры. В этой зыбкой дымке Ланьи видел чёткую линию челюсти супруга, его плотно сжатые губы и глаза — глубокие и тёмные, словно застывшая тушь.

Юноша до боли сжал пальцы. Как бы там ни было, они договорились, что этот брак — лишь формальность, и ни один из них им не доволен. Он вовсе не собирался позволять Шаньцы заходить так далеко.

Ланьи выставил руки перед собой, пытаясь оттолкнуть мужа. Во тьме дыхание чиновника Чжэна на мгновение сбилось, но он продолжал медленно наваливаться сверху, пока юноша не ощутил кожей обжигающее тепло его шеи.

Терпение Ланьи лопнуло. Он уже замахнулся, чтобы хорошенько врезать наглецу, но Шаньцы мгновенно перехватил его запястье. Тяжело дыша, он отвернул голову в сторону, прижавшись к плечу супруга.

Молодой господин Юй отчаянно забился, пытаясь обхватить ногами бёдра противника и опрокинуть его, отчего тот издал приглушённый стон.

— Там люди, — прошептал Шаньцы прямо ему в ухо.

По спине Ланьи пробежали мурашки. Он скосил глаза на дверь и в слабом лунном свете действительно разглядел два замерших силуэта.

Шаньцы не стал целовать его в шею, лишь уловил тонкий аромат, исходивший от кожи. Его свободная ладонь легла Ланьи на талию, и от этого прикосновения, жаркого и властного, нежная плоть, казалось, начала плавиться.

В груди юноши вскипела волна негодования, смешанного с чем-то иным. Шаньцы крепко держал его за руку, и когда Ланьи перестал сопротивляться, он ловко переплел их пальцы — замок вышел крепким и неразрывным.

— Подай голос, чтобы они услышали, — негромко приказал Шаньцы.

В ответ Ланьи лишь свирепо взглянул на него и попытался лягнуть. Удар пришёлся мужу в бок, тот потерял равновесие и всем телом прижался к супругу. В воцарившейся тишине их взгляды встретились.

«Неужели он не может просто подыграть?» — с досадой подумал Шаньцы.

Глаза Ланьи лихорадочно блестели, он весь так распалился, словно только что вышел из парной. Высвободив руку, он вцепился в ворот халата Чжэна и рывком притянул его к себе.

— Ты тоже можешь кричать, — выпалил он со своим привычным высокомерием. — С чего это должен я?

Шаньцы шумно выдохнул. От этих слов внутри него словно вспыхнули крошечные искорки. Опустив взгляд, он увидел распахнутый ворот Ланьи: ослепительно белую кожу и изящные изгибы ключиц. Он поспешно отвернулся.

— Твоя правда.

Снаружи, прильнув к дверной щели, слуги затаили дыхание.

— Почему там так тихо? — прошептал один из сопровождающих.

Цзинь Юнь тоже затревожился. Если у Чжэн Шаньцы обнаружатся какие-то... изъяны, это же погубит жизнь молодого господина!

Но стоило им поддаться сомнениям, как из комнаты донёсся яростный шум — казалось, кровать вот-вот развалится на куски. Звуки поцелуев, тяжёлое, прерывистое дыхание и характерные всплески заставили слуг густо покраснеть.

Они переглянулись и поспешили убраться подальше.

Один из них потирал горящие щеки, не в силах унять смущение.

— Я пойду, доложу хозяину, что всё в порядке, — буркнул он.

Цзинь Юню же пришлось остаться неподалёку и ждать, когда из покоев потребуют воду.

«Молодой господин и впрямь сделал ЭТО с зятем... Как он там теперь?»

А в спальне Шаньцы накрыл рот Ланьи ладонью и склонился к самому лицу. Сердце сбилось с ритма, и чиновник Чжэн запечатлел поцелуй на тыльной стороне собственной руки.

— Пни кровать, — скомандовал Шаньцы.

Голова Ланьи шла кругом, и он послушно лягнул спинку ложа.

Наконец муж убрал руку. Юноша жадно хватал ртом воздух, чувствуя, что ещё немного — и он бы задохнулся.

Убедившись, что тени за дверью исчезли, они оба облегчённо выдохнули. Шаньцы вернулся на свою половину и заботливо натянул одеяло до подбородка.

Спустя некоторое время он негромко позвал слуг, чтобы подали воду.

Цзинь Юнь распорядился принести всё необходимое, но сам войти не решился — лишь передал воду и поспешно закрыл дверь.

— Теперь можно и поспать, — бросил Шаньцы.

— Спи, раз можешь... — буркнул Ланьи, уставившись в балдахин кровати.

Какое там спать!

Он закутался в одеяло и отвернулся к стене. Украдкой коснувшись кончиками пальцев уголка губ, юноша осознал, что они так и не поцеловались. На его губах не осталось чужого тепла — лишь жар ладони всё ещё жег кожу.

Ланьи вспомнил, как губы Шаньцы коснулись его собственной руки, и как мало разделяло их в тот миг. Он досадовал на себя и на весь мир. Зажмурившись, юноша изо всех сил попытался заставить себя уснуть.

Его супруг тоже ворочался с боку на бок. На самом деле он намеренно закрыл Ланьи рот и поцеловал свою руку — вид растерянного и сбитого с толку юноши доставил ему немалое удовольствие.

Ланьи был слишком заносчив, и это стало для него хорошим уроком.

Шаньцы скосил глаза на другую половину кровати. Под одеялом виднелся небольшой бугорок, а голова супруга мирно покоилась на подушке.

«С виду такой смирный...»

Вспомнив о «молоте Тора» из своей прошлой жизни, чиновник Чжэн подавил улыбку и наконец

закрыл глаза.

На следующее утро оба проснулись поздно — сказывалась беспокойная ночь. Шаньцы поднялся первым, оделся и вышел. Цзинь Юнь уже всю распоряжался людьми, снимая свадебные украшения.

Глядя на опадающий алый шёлк, Шаньцы негромко произнёс:

— Он ещё спит. Постарайтесь не шуметь.

— Слушаюсь, чиновник Чжэн, — поклонился Цзинь Юнь.

От этого обращения Шаньцы стало не по себе. Кивнув, он направился в гостиную.

Этот дом был подарком маркиза Чаняна сыну, и в документах на право владения, разумеется, значилось имя Ланьи. Завтрак был уже готов. Перекусив, Шаньцы собрался было в Министерство чинов.

Раз уж они поженились, пора было уведомить ведомство о дате отъезда, чтобы поскорее прибыть в уезд Синьфэн. Однако, едва ступив за порог, он замер. Если он потребует немедленного отъезда сразу после свадьбы, столица вмиг наполнится слухами об их разладе. Он и так планировал уехать после традиционного Хуэймэнь — визита к родителям супруга на третий день, так что спешить в министерство не стоило.

«Подожду до Хуэймэнь, — решил Шаньцы. — Не хочу давать лишних поводов для сплетен».

Окружающие для него были чужими людьми, а Ланьи...

«Молодой господин Юй» и «фулан Чжэн»... В его голове они всё ещё звучали как два совершенно разных существа. Что ж, теперь он был, пожалуй, своим.

Шаньцы вернулся в дом. В конце концов, в первые дни после свадьбы полагалось проводить время с супругом.

— Чиновник Чжэн, вы передумали уходить? — поинтересовался слуга.

— Да, в этом нет нужды.

Слуги, большинство из которых выросли в поместье маркиза, обрадовались возвращению зятя.

— Господин, желаете позавтракать?

Прикинув, что Ланьи проспит ещё долго, Шаньцы кивнул:

— Пожалуй.

Когда перед ним поставили дымящиеся баоцзы, свежее соевое молоко и хрустящие ютяо, он невольно вздохнул. Жизнь богачей была чертовски хороша. Не нужно самому стоять у плиты, а вкус блюд — просто пальчики оближешь.

Теперь чиновник Чжэн понимал, почему столько людей завидовали его удаче. Повара в доме маркиза знали своё дело.

После пиршества пришло время разбираться с подарками. Когда Шаньцы принесли список подношений, он занял добрых десять листов. Стало ясно: гостей было не счесть, и многие не поскупились на дорогие дары.

— Отнесите список вашему молодому господину, — распорядился Чжэн.

— Слушаюсь, господин. Ой, простите, нам ведь теперь следует называть молодого господина фуланом Чжэном, — расплылся в улыбке слуга.

Шаньцы замялся.

— Зовите его по-прежнему — молодым господином.

— Как пожелаете.

Чжэн вспомнил вчерашний вечер: сверкающие в лунном свете глаза Ланьи, его покрасневшее лицо и то, как он отчаянно пытался вырваться, готовый в любую секунду пустить в ход кулаки.

«Словно рассерженный краб... только очень мягкий и беззащитный».

Вспомнив, какой тонкой и гибкой была талия юноши под его ладонью, Шаньцы почувствовал укол совести. Это было слишком дерзко с его стороны. Но отстраниться в тот момент значило бы выдать их притворство.

Чиновник тряхнул головы, прогоняя навязчивые мысли.

Тем временем Юй Ланьи наконец проснулся и позвал Цзинь Юня. Пока тот помогал ему

приводить волосы в порядок, слуга, набравшись смелости, спросил:

— Молодой господин, господин вчера просил воду всего один раз.

Ланьи воззрился на него:

— И что с того?

Вода-то всё равно осталась нетронутой.

— Ну, по правде говоря, одного раза как-то... маловато будет, — замялся Цзинь Юнь.

— Ему... ему и одного раза с головой! — Ланьи закашлялся, лихорадочно придумывая оправдание. — Один его раз стоит десяти обычных!

Слуга лишь понимающе хмыкнул и подал господину одежду.

— Где Чжэн Шаньцы?

— Господин в саду.

— Впредь называй его «господином», — наставил его Ланьи.

Несмотря на короткий сон, он был доволен тем, что утро прошло спокойно — никто не гнал его с постели ни свет ни заря.

— Это господин велел нам вас не будить, — добавил Цзинь Юнь. — Сказал, что вам нужно ещё отдохнуть.

От этих слов Ланьи снова бросило в жар — уж слишком двусмысленно они звучали.

Поскольку родителей мужа в столице не было, юноша был избавлен от обязанности выражать почтение старшим, что несказанно его радовало.

— Молодой господин, господин велел передать вам список подарков, — вошёл в комнату слуга.

Ланьи взял бумаги и бегло просмотрел их. Все эти подношения рано или поздно придётся возвращать — таков закон этикета.

— Цзинь Юнь, возьми верных людей, проверь всё по списку и занеси в кладовую.

— Слушаюсь.

Настроение Ланьи улучшилось. Похоже, Шаньцы не забыл своё обещание: все домашние дела и ключи от казны действительно перешли к нему.

После завтрака юноша отправился на прогулку в сад. Увидев мужа, который устроился в беседке с книгой, он вспомнил вчерашнюю выходку и, втайне затаив обиду, бесшумно начал подкрадываться сзади.

Шаньцы увлечённо читал «Чжунъюн», готовясь к службе в Синьфэне. Он помнил, что по сюжету книги прежний владелец этого тела тоже получил назначение в этот уезд, но, поскольку тот не был главным героем, подробностей было немного.

Больше всего авторы расписывали то, как он убил Юй Ланьи и годами притворялся безутешным вдовцом. О его делах на посту начальника уезда почти не упоминалось.

Люй Цзинь у себя в поместье не на шутку тревожился за друга. Юй Ланьи всегда отличался строптивым нравом. Он и так-то не горел желанием выходить за Шаньцы, а уж перспектива уехать из столицы в захолустье и вовсе должна была привести его в ярость.

— Господин, ваш любимый красный чай.

Люй Цзинь пригубил напиток, вспомнив, что Ланьи терпеть не может чай — стоит только заговорить о нём, как он кривится, будто от уксуса.

«Надо будет послать ему завтра цветочного чая, — подумал он. — Скоро Ланьи покинет Шэнцзин, и кто знает, когда мы увидимся вновь».

Шаньцы читал так сосредоточенно, что совершенно не замечал ничего вокруг. И когда супруг внезапно толкнул его, он в мгновение ока, повинаясь инстинкту, перехватил руку юноши.

<http://bllate.org/book/15809/1427343>